

Марк Аспеллий

К СЕБЕ
САМОМУ

Марк Аврелий Антонин

К себе самому

«ИП Карелин»

Антонин М.

К себе самому / М. Антонин — «ИП Карелин»,

Книга римского императора и философа Марка Аврелия (121–180 гг.) — не просто мысли, обращенные к себе самому, но путь к себе, восхождение к тому идеальному образцу, по которому сотворен каждый человек. Новый перевод и комментарий придают труду знаменитого «философа на троне» дополнительную ценность.

© Антонин М.

© ИП Карелин

Содержание

Человек в восприятии Марка Аврелия	5
К себе самому	12
Книга I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Марк Аврелий К себе самому

Человек в восприятии Марка Аврелия

Книга римского императора и философа Марка Аврелия (121–180 н. э.) называется «Τὰ εἰς ἑαυτὸν». Буквально это название переводится как «То, что обращено к себе самому». Но в действительности эта книга – не просто мысли, обращенные к себе самому, а это *путь* к себе самому, восхождение к тому идеальному образцу, по которому сотворен ты сам и человек вообще, потому что во всех людях этот образец один и тот же. В начале этого пути – благодарность тем, кому Марк Аврелий обязан тем, что он живет, т. е. предкам и родителям, а также благодарность тем, кому он обязан тем, что живет *достойно*, а не просто живет, т. е. воспитателям и учителям. А в конце этого пути – благодарность тому, кто привел его в этот мир и вот теперь уводит, сделав благосклонным ко всем и ко всему. «Потому что и отпускающий тебя благосклонен», – такими словами заканчивается последняя, 12-я книга. И закрываешь ее с ощущением, что ее автор, организовав свою душу по законам мировой гармонии, вернулся к источнику своей жизни, к мировому разуму, став таким же благосклонным, как и он.

Читая эту книгу, трудно отделаться от впечатления, что в лице Марка Аврелия этот мировой разум разглядывает его самого, тебя и всех нас, но не презрительно и снисходительно, а именно благосклонно. И чувствуешь, как сильно этот бог древних греков и римлян отличается от мстительного и ревнивого библейского бога, который за хорошее поведение при жизни сулит тебе персональную келью в раю после смерти (видение протопопы Аввакума), а за плохое грозит вечными посмертными муками в геенне огненной (как будто их на земле мало!) и все время занимается нравственной дискриминацией людей, деля существ, принадлежащих к одному и тому же роду, на званых и избранных, на пшеницу и плевелы, на козлищ и овец с прозрачным намеком, что тот, кто уверует в него и будет жить по его программе, – избранный и пшеница, а кто нет, тот сорняк и козел! Марк Аврелий и тот бог, от имени которого он говорит, относится к людям куда более терпимо и не требует от них того, на что они по слабости человеческой природы не способны. Мало того, он считает, что порок в мире так же необходим, как и добродетель, хотя для человека лучше предпочесть последнюю. О тех, которые предпочитают порок, он говорит без гнева и миролюбиво, замечая однажды: «Ведь и в таком нуждается мир». Читая записки Марка Аврелия, чувствуешь, что не так уж и страшно это царство римского кесаря, как нас пытались уверить христианские богословы вроде Августина Блаженного, потому что дай бог всякому государству иметь такого мудрого кесаря, каким был Марк Аврелий.

Конечно, создать в этом мире государство по образцу идеального государства Платона невозможно, но опыт Марка Аврелия показывает, что в себе самом такое государство организовать можно. Разум должен играть роль царя в этом внутреннем государстве, и недаром о неразумном человеке говорят «без царя в голове». Царь же или император является воплощением разума во внешнем государстве, и Марк Аврелий как император был именно воплощением государственного разума. Он отличался кротостью и справедливостью, и, хотя при нем были гонения на христиан, он не был, да и не мог быть по своей природе, их инициатором. Но, отличаясь кротостью и справедливостью, Марк Аврелий, тем не менее, когда возникала опасность перед вверенным ему государством, действовал твердо и решительно и большую часть времени своего правления провел на западных границах империи. 13 лет он вел войну с германскими племенами квадов и маркоманов, которая то затухала, то вспыхивала с новой силой и продолжалась до самой его смерти. В перерыве между военными действиями он посетил Восток, где подавил мятеж Авидия Кассия, одного из своих полководцев. При этом вести

военные действия и поддерживать порядок в империи ему было крайне трудно, так как он не отличался крепким здоровьем. Живя такой нелегкой жизнью, он обратился к философии и своими размышлениями, которые составляют эту книгу, доказал, что он не только как император, но и как философ был воплощением этого царственного разума, который он имел прежде всего в себе самом и которому все время старался следовать. Философия и жизнь этого человека образуют удивительное единство именно потому, что он всегда ощущал себя лишь каплей в океане мирового разума, которая после смерти сольется в океан. Но Марк Аврелий уже и при жизни действовал слитно с ним как часть целого и обособление от целого считал самым великим злом. Многие обращают внимание на то, что, притом что книга его мудра, сам он был некрасив и имел мелкие, невыразительные черты лица. Но в том-то все и дело, что он даже внешне похож на муравья, который созидает порядок в муравейнике, действуя в общих, а не в своих собственных интересах, и самопознание и самовоспитание нужно было ему лишь для того, чтобы правильно и наилучшим образом работать на благо этого муравейника и не выбиваться из ритма общей работы. Судите сами, какой высокой и мудрой была душа этого римского муравья, если даже высшая власть не смогла ее испортить, потому что Сократ, как всегда, прав, когда говорит в «Горгии», что из людей более всего трудно удержаться от совершения несправедливостей тому, кто имеет право делать все, что ему заблагорассудится, то есть единоличному правителю. Но Марк Аврелий обладал способностью самоотречения и, в сущности, ничем не отличался от христианских святых, так как всю жизнь действовал не во имя свое. Но в отличие от христианских святых он не стремился уйти в скит или пустыню. Его царство – как раз от мира сего, и он в нем царь, и в одном месте он неодобрительно отзывается о христианах, подчеркивая, что они все делают из чувства противоречия общепринятым нормам жизни и таким образом, в его понимании, стремятся противопоставить себя общечеловеческому муравейнику. Действительно, попытка христиан посредством индивидуального душеспасения вырваться из римского и общечеловеческого муравейника не могла вызывать у него симпатии. Поэтому люди, исповедующие христианскую религию, никогда не смогут понять этого мудрого римского кесаря. Его гораздо лучше поймут буддисты, вовсе не склонные обожествлять индивидуальность и предполагать продолжение ее существования после смерти на небесах в компании ангелов, херувимов и прочих милых созданий человеческого воображения, которых никто, кроме участников христианского мифа жизни, не видел и никогда не увидит. И не случайно в России Марка Аврелия лучше всех понял и почувствовал Лев Толстой, русский будда, который отрицал личного бога, так как личность есть ограничение, а это несовместимо с понятием бога как безграничного существа. И все отличие Толстого от Марка Аврелия заключалось лишь в том, что Толстой, обладая пылким русским сердцем, стремился раствориться в русском и общечеловеческом муравейнике и полагал, что государственная власть лишь мешает этому растворению, а Марк Аврелий, напротив, считал, что эта власть помогает, так как и человек, и весь мир – это государство.

Для того чтобы понять истинный смысл этой книги, надо понять, как Марк Аврелий представляет и видит себя самого и человека вообще. Обычное разделение: разум – душа (дыхание) – тело. Более точное и подробное: 1) внутренний демон, или внутреннее божество; 2) руководящее начало; 3) дыхание и жизненная сила (примерно соответствует нашему понятию «душа») и 4) тело. Рассмотрим все четыре составные части человека, как его мыслит Марк Аврелий. У древних греков, римлян и египтян существовало представление о том, что у каждого человека есть демон, или личное божество, которое сопровождает его на жизненном пути и не только руководит его действиями, но также внушает ему определенные симпатии и антипатии и даже мысли, причем египетские жрецы умели вызывать это божество (см. Порфирий, «Жизнь Плотина», 10), а Сократ общался с ним напрямую и слушался его предостережений. А ведь он не был сумасшедшим, но, напротив, слыл мудрейшим из людей. Плутарх объясняет этот феномен тем, что демон Сократа был менее, чем демоны других людей, погружен в мате-

рию тела и потому находился как бы рядом с Сократом, а не внутри него, как у остальных людей. Обычно же древние считали, что это личное божество – индивидуальный характер человека, который тяготеет к судьбе человека и прямо порождает ее. И Гераклит в одном из своих фрагментов так и говорит, что демон человека – это его характер (в неуклюжем русском переводе Муравьева: «Собь своя для человека – гений»). Однако Марк Аврелий далеко отступает от этого общеантичного представления, и если проанализировать все его упоминания о внутреннем демоне, то становится ясно, что этот внутренний демон у него – просто частица мирового разума, его чистое истечение. Причем во всех людях оно качественно однородное (отчего возникает единство человеческого рода в разуме), и все различие между людьми заключается лишь в силе и интенсивности этого истечения мирового разума: у одних оно более сильное, у других – менее. Поэтому у Марка Аврелия все люди – это одно существо, но, в отличие от неоплатоников, он не устанавливает и не признает никакой иерархии. Напротив, он все время призывает себя помогать людям именно потому, что сознает, что это чистое истечение мирового разума в нем несколько сильнее, чем в остальных. И он совершенно лишен высокомерия, свойственного, например, Плотину, который считал своего личного демона высоко стоящим в иерархии демонов и богов («Пусть боги приходят ко мне, а не я к ним!») и, в сущности, презирал остальных людей. И хотя Марк Аврелий часто смотрит на жизнь отрешенно, как буддист на «покрывало майи», но смотрит не свысока, не разглядывает людей, как любопытных букашек, а пытается воздействовать на их руководящее начало, хотя иногда и сознает, что это очень трудно, и призывает себя хотя бы не осуждать людей, если бессилён воздействовать на их руководящее начало.

Собственно, в этом руководящем начале, в способе его взаимодействия с душой и телом и заключается все качественное различие между людьми (внутреннее же божество, как было сказано выше, во всех одно и то же). Что такое руководящее начало человека? Если личное божество, или демон, по представлениям Марка Аврелия, является как бы посторонним для человека (ведь он – не его собственное достояние, а частица мирового разума, «кусочек Зевса», как называет его однажды Марк Аврелий), то руководящее начало призвано осуществлять связь этого общего для всех божества с индивидуальной душой и индивидуальным телом, а также связь человека с остальными людьми. Это руководящее начало в восприятии Марка Аврелия обладает тремя основными характеристиками: индивидуальное восприятие или толкование вещей (*hypólēpsis*), представление (*phantasia*) и суждение (*crisis*), причем второе вытекает из первого (представление из восприятия), третье из второго (суждение из представления), а после суждения следует этический акт: то или иное высказывание, тот или иной поступок. Рассмотрим эти три составные части руководящего начала. Первая, *hypólēpsis*, – это восприятие, признание чего-либо тем или иным и возникающее как результат этого восприятия толкование вещей, которое тоже индивидуально. Мир раскрывается перед человеком согласно его собственному индивидуальному восприятию этого мира, и Марк Аврелий в одном месте совершенно в духе Беркли говорит, что жизнь – это восприятие (4,3), и на протяжении всей книги подчеркивает, что все дело в восприятии. А поскольку в понимании Марка Аврелия суть вещей труднопостижима или вовсе непостижима (в отличие от остальных стоиков, у него довольно часто и резко проявляется скептицизм по вопросу познаваемости мира), то у большинства людей это толкование оказывается либо приблизительным, либо вовсе неправильным, и тогда *hypólēpsis* превращается в предвзятое мнение, в предубеждение и приводит к совершению неправильных поступков и высказываний. Поэтому Марк Аврелий все время призывает себя следить именно за своим восприятием, за тем, какие представления у него возникают, для того чтобы толкование вещей соответствовало правильному или, как его называли стоики, прямому разуму. В 3,16 Марк Аврелий призывает себя «не оглушать своего демона толпой представлений». Что такое в его понимании представление? В восприятии древних оно имело световую природу, и они мыслили представление как свет, исходящий из разума и

освещающий вещи. Поэтому один из главных теоретиков стоицизма Хрисипп, следуя такому пониманию, производил слово «представление» (*phantasí a*) от слова «свет» (*phós, pháos*) и различал само представление (*phantasí a*), объект представления (*phantastón*, «то, что явлено в свете разума»), мнимое представление (*phantasticón*) и абсолютно ложное и искаженное представление (*phántasma*, откуда «фантасмагория», уродливое искажение реальности, которое, по словам Хрисиппа, бывает у меланхоликов и безумных). В начале своей книги (2,11) Марк Аврелий призывает себя при возникновении представления делать общий очерк того, что подпадает под представление (*phantastón* по терминологии Хрисиппа), затем называть истинное имя этого объекта представления, отличное от другого имени, а также имена частей, из которых составлен объект представления и на которые он разлагается. Разумеется, подобное восприятие стоиков и Марка Аврелия несовместимо с нелепой материалистической теорией отражения, согласно которой сами предметы будто бы воздействуют на сознание и каким-то образом порождают в нем представления. В восприятии же Марка Аврелия вещи стоят незыблемо вовне и не они, а мы сами порождаем суждения о них, когда свет, исходящий из сознания, направляется к предметам, различает и отделяет их друг от друга, являет их сознанию (по-гречески «представлять» и «являться» – одно слово) и этим своим действием обнаруживает как объекты, так и собственную световую природу. В отличие от стоиков Марк Аврелий крайне редко употребляет понятие «постигающее, каталептическое представление», т. е. такое, которое «схватывает» суть вещей. Как уже говорилось выше, это объясняется тем, что в вопросе познаваемости мира он был ближе к скептикам, чем к стоикам. И, наконец, последняя, третья характеристика руководящего начала – суждение (*crisis*), которое, по мысли Марка Аврелия, должно соответствовать истинной ценности вещи, чтобы человек мог сделать правильное высказывание и совершить правильный поступок, совпадающий с действием прямого мирового разума. Главным для Марка Аврелия является именно состояние руководящего начала, и он поэтому стремится к тому, чтобы ни наслаждения, ни страдания, ни гнев, ни страх не исказили его, а через него не замутили чистого внутреннего демона. Кроме того, он часто подчеркивает, что в чужом руководящем начале зла для него быть не может (4,39), что лучший способ защиты – не уподобляться обидчику (6,6) и оставить чужое прегрешение на совести того, кто его совершил (9,20). «У каждого своя радость, – говорит он в 8,34, – у меня – когда мое руководящее начало не искажено, потому что не отвращается ни от какого-либо человека, ни от какого-либо обстоятельства человеческой жизни, но смотрит на все благосклонным взглядом, все принимает и использует соответственно тому, чего это явление стоит». В понимании Марка Аврелия в жизни человека все зависит от того, в каком состоянии находится его собственное руководящее начало, каких основоположений и убеждений оно придерживается и какими представлениями проникнуто, а вещи, как уже говорилось выше, сами по себе его не затрагивают. Что касается вещей, привлекательных в глазах большинства, Марк Аврелий советует себе разлагать их с помощью представлений на первичные составные части, чтобы таким образом видеть всю их неприглядность и ничтожность.

Представление Марка Аврелия о душе существенно отличается от того, что мы привыкли понимать под этим словом. Но самое интересное, что он в восприятии души и со стоиками имеет не много общего. Если стоики воспринимали душу как огненное мыслящее дыхание и не различали строго разум и душу (особенно ранние стоики, до Посидония), то у Марка Аврелия душа резко отделена от разума, и он во взгляде на структуру души даже с Посидонием имеет мало общего. Душа у него – пневма, которая движет в качестве жизненной силы члены человеческого тела, осуществляя моторную функцию и только. Унт в комментарии к ленинградскому изданию Марка Аврелия много пишет о том, как стоики воспринимали пневму, или дыхание, и как воспринимает ее Марк Аврелий, но ему следовало бы обратить внимание, что Марк Аврелий в два раза чаще, чем слово «дыхание», употребляет его пренебрежительно-уменьшительную форму *pneumatíon*, «дыханьице», что лишний раз доказывает, что Марк Аврелий далеко

отошел от телесного восприятия мира, свойственного ранним стоикам; да и ранним стоикам далеко не все представлялось таким уж телесным, как это пытаются изобразить люди, не совсем хорошо представляющие из-за своего материалистического восприятия мира, что такое стоицизм. К душевно-телесной стороне человеческого существа Марк Аврелий относится прямо-таки саркастически. Поэтому совершенно неправильно переводят на русский язык слова Эпиктета, которые цитирует дважды Марк Аврелий и которые звучат у Марка Аврелия так: «*Душонка* ты, таскающая на себе труп, как говаривал Эпиктет». А все без исключения переводят: «Ты – душа, таскающая на себе труп», – отчего возникает неправильное представление, будто Марк Аврелий самым главным в человеке считает душу. В том-то все и дело, что душа у Марка Аврелия имеет не большую цену, чем тело. Душа в его восприятии – нечто такое, что дышит и посредством импульсов дергает человека, словно куклу, заставляя его к одному стремиться, а другого избегать, причем и в том и в другом случае неразумно, какой-то зверек, которого надо все время обуздывать с помощью руководящего начала, чтобы этот бессмысленный зверек, душа, не омрачал божественного покоя и божественной чистоты внутреннего демона, который во всех людях один. Поэтому Марк Аврелий, приводя слова Эпиктета, говорит уменьшительно и пренебрежительно, хотя, может быть, и ласкательно: *psychágon*, душонка, – как мы говорим «котенок», «цыпленок» (словом «душонка» переводить нельзя, так как в русском языке это понятие означает низкую и подлую душу, и столь же неудачен перевод «душечка»). В отличие от большинства стоиков, у Марка Аврелия душа не является огненным мыслящим дыханием, а имеет только животную природу, и он все время подчеркивает эту неприглядную животную сторону души, что для нас, привыкших считать благодаря христианству, что душа – это все, выглядит несколько странно. Впрочем, со стоиками Марк Аврелий совпадает по этому вопросу в том отношении, что стоики считали, что душа впервые возникает у животных, а в мире растений ее еще нет. Ни в какое личное бессмертие души Марк Аврелий, разумеется, не верит и считает, что после смерти душа рассеется в той стихии, из которой она возникла, а индивидуальный разум возвратится в общемировой, оплодотворяющий вещи, и тоже утратит свою особенность – несколько огорчительная идея для тех, которые хотят сохранить свою драгоценную индивидуальность на том свете после смерти. Но Марк Аврелий мыслит честно и не обольщается. К тому же это растворение собственной индивидуальности в порождающем мировом разуме и ее слияние с ним он считает благом. Основными характеристиками души у него, как, впрочем, и у большинства стоиков, являются импульсы, устремления, порывы (*hormái*), и Марк Аврелий все время призывает себя сдерживать эти порывы души, которые являются свойством животной, а не разумной человеческой природы. В 11,37 он говорит, что эти порывы души должны быть, во-первых, не безусловными, а возникать с некоторой оговоркой и ограничением, и, во-вторых, они должны быть направлены на общие интересы, а не на интересы своего животного «я»; наконец, в-третьих, они должны соответствовать истинной ценности объекта, на который они устремлены. И в этой связи основными характеристиками души являются также уклонение от чего-либо (*écclisis*) или, напротив, тяга к чему-либо, желание достичь именно этого, а не чего-нибудь другого (*órexis*). Эти устремления и импульсы, уклонение от чего-либо или тяга к чему-либо, вызывают, по Марку Аврелию, видоизменения души, которые он называет *trórai* и которые он призывает себя тщательно контролировать, так как они неразумны и опасны.

Основными характеристиками тела являются ощущения (*aisthēseis*) и страдательные состояния материи тела, которые греки называли *ráthē*, что не совсем верно переводят обычно как «страсти». В представлении Марка Аврелия и стоиков эти страдательные состояния вызывают вместе с импульсами и страстной тягой к чему-либо неправильные видоизменения души, и поэтому их также надо преодолевать с помощью руководящего начала, находящегося выше их, в голове. *Ráthē*, или страдательные состояния материи тела, ведущие к неправильным видоизменениям души, – это гнев, печаль, вождление и страх. Остальные страдательные состояния

с точки зрения стоиков были менее опасными. Ощущения же, свойственные телу (*aisthēseis*), призваны отображать мир посредством чувственных оттисков. В 6,28 Марк Аврелий определяет смерть как прекращение отпечатывания мира ощущениями, прекращение судорожного подергивания импульсов, прекращение служения плоти. Если Марк Аврелий такого нелестного мнения о душе, то о теле и говорить нечего. Оно для него мешок кровавой грязи и смрада (8,38). Презрение к телу выражается у него гораздо резче, чем в ортодоксальном стоицизме. Странно то, что Марк Аврелий, в отличие от остальных стоиков, считает ощущения не частями души (у стоиков пять органов чувств считались частями души), а свойствами тела. И столь же странно, что страсти, пороки, наслаждения и страдания он также воспринимает как состояния тела, а не души, потому что, когда он вспоминает определение наслаждения и страдания как плавного в случае наслаждения и резкого в случае страдания движения души, которое дал Аристипп, он все время говорит о плавном и резком движении *в теле*, а не в душе.

Итак, вот каков человек в восприятии Марка Аврелия: *тело* с его ощущениями и страдательными состояниями, *душа* как теплая пневма, движущая посредством импульсов, страстной тяги к чему-либо или уклонения от чего-либо, словно нитками, человеком-куклой, *руководящее начало*, пытающееся воздействовать посредством суждений на душу и обуздывать ее порывы, чтобы человек совершал правильные поступки и делал правильные высказывания, и, наконец, *внутренний демон*, или божество, которое через действия руководящего начала должно быть связано с руководящим началом и внутренним божеством других людей, которое во всех людях одно, несмотря на свою разделенность в телах. Судьба же человека видится Марку Аврелию так: после смерти мешок кровавой грязи, именуемый телом, уйдет в землю, душа рассеется в той стихии, из которой она возникла при рождении человека, руководящее начало перестанет порождать представления и суждения и вместе с внутренним божеством растворится в мировом разуме и сольется с ним, так что это божество, бывшее при жизни человека личным, станет после его смерти вновь общим и утратит свою особенность.

Чтобы воссоединение с мировым разумом и слияние с ним было безболезненным, Марк Аврелий стремится исправлять и совершенствовать свой нрав. Поэтому стоическая философия интересует его прежде всего в своей этической части. И даже когда речь идет о стоической космологии, представления о космосе и мировом целом нужны ему лишь для выработки правильной нравственной установки, для того, чтобы находиться в гармонии с мировым целым, а не вступать в противоречие с ним. Ценность записок Марка Аврелия в том, что ему удалось сделать свое мышление орудием самовнушения и самовоспитания, тогда как многие другие стоики, уделявшие главное внимание этике, например, Сенека и Эпиктет, обращались с поучениями прежде всего к другим. Марк Аврелий же пытается убедить и разубедить лишь себя самого. То, что Марк Аврелий не думает о читателе, не заботится, как он отнесется к его словам, как раз делает его записи предельно искренними и независимыми по духу. Но хотя эти записи обращены только к себе самому, философ не замыкается в себе. Напротив, он хочет жить в гармонии с мировым целым и ощущает, что единение людей – главная задача жизни. Однако оказывать влияние или давление на других людей, пытаться усовершенствовать их он считает делом бесполезным, так как руководящее начало этих людей – не в его власти. «Они будут делать то же самое, хоть ты тресни», – записывает он однажды. Зато изменить себя и таким образом улучшить состояние мирового целого и содействовать единению людей вполне в его власти, считает он. Жизнь Марк Аврелий полагает лишь в настоящем: будущее и прошлое, по его мнению, никогда не принадлежат человеку. Часто возвращаясь к мысли о смерти, он не находит в ней ничего ужасного, но, сравнивая ее с жизнью, иногда даже признает смерть желанной, и ему свойствен благородный пессимизм Гераклита, которого он часто вспоминает и дважды цитирует. Мысль о разрозненности и текучести материального естества вселенной и его форм при сохранении тождества разумной основы мира порождает в Марке Аврелии спокойное отношение к смерти и вообще ко всему, что происходит в этом мире.

Трудность перевода Марка Аврелия заключается в том, что он пишет по-гречески, а мыслит по-римски, т. е. предельно сжато. К тому же записи его обращены прежде всего к себе самому, и о многом он говорит как о чем-то само собой разумеющемся, однако известном лишь ему одному. Чтобы передать этот стиль мышления Марка Аврелия, дополнительные поясняющие слова, без которых совершенно невозможно обойтись, заключены нами в квадратные скобки. Исключение – местоимения, которые Марк Аврелий опускает регулярно, но если все эти пропущенные местоимения воспроизводить в квадратных скобках, то от этих скобок начинает просто рябить в глазах. Кроме того, изредка в этих квадратных скобках указывается точное, буквальное значение слова рядом с переводимым. Это бывает в тех случаях, когда выражение Марка Аврелия является образным, но с точки зрения стиля выглядит диссонансом. Несколько фраз заключены в угловые скобки. Это фразы, которые противоречат по смыслу предыдущим, и они заключены в скобки Дальфеном, издателем текста, с которого выполнен перевод (Marci Aurelii Antonini. *Ad se ipsum libri XII*. Edidit Joachim Dalfen. – Lirsiae, 1979). Примерно в десяти случаях выбор чтения Дальфеном представляется нам неудачным (все эти случаи отклонения от текста издателя и предпочтения другой конъектуры, приводимой в том же издании Дальфена, оговариваются нами в комментарии). Поскольку по-гречески читают немногие, а латинские буквы и слова могут прочесть почти все, стоические термины и важнейшие философские понятия даются нами в комментарии в латинской транслитерации. Исключение – выражения, содержащие игру слов, а также конъектуры: и те, и другие приводятся по-гречески. Переводя и комментируя, мы стремились к тому, чтобы издание было достаточно научным и в то же время популярным, хотя отдаем себе отчет, что это трудно совмещается. Но «золотая середина», как всегда, – самое лучшее.

В.Б. Черниговский

К себе самому

Книга I

1. От деда Вера¹ у меня добрый нрав и незлобивость.
2. От родителя², если верить его репутации и памяти о нем, – скромность и мужество.
3. От матери³ – благочестие, щедрость и воздержание не только от дурных дел, но и от мыслей о них; а также простота и отвращение к времяпрепровождению, свойственному богатым.

4. От прадеда⁴ – нежелание посещать общественные школы; и [привычка] обучаться у хороших учителей дома; и знание, что на это нужно прилежно тратить время.

5. От воспитателя – нежелание быть участником ни партии зеленых, ни голубых, ни партии круглых, ни партии длинных щитов;⁵ и выносливость и неприхотливость, и самостоятельность, и нежелание вмешиваться в чужие дела, и невосприимчивость к наговорам.⁶

6. От Диогнета⁷ [привычка] не гоняться за пустыми вещами; и недоверие к тому, что рассказывают о кудесниках и заклинателях и об изгнании демонов и тому подобном; и не разводить перепелов⁸ и не увлекаться занятиями такого рода; и воздерживаться от болтливости; и быть в дружбе с философией; и слушать сперва Бакхия, затем Тандасида и Марциана;⁹ и писать в раннем возрасте диалоги; и привычка спать на шкуре и складной кровати и придерживаться всего того, что свойственно эллинскому образу жизни.¹⁰

7. От Рустика¹¹ – получение представления о необходимости исправления и совершенствования своего нрава; и нежелание ударяться в софистические прения и писать по теоретическим вопросам, или произносить увещательные речи, или изображать из себя аскета или благодетеля, создавая [у людей] неверное представление; и [умение] воздерживаться от риторики, поэзии и изысканных речей;¹² и не разгуливать по дому в праздничной одежде и не делать [ничего] подобного; и писать письма просто, как писал он моей матери из Синуэссы¹³; и отно-

¹ *Марк Анний Вер* – префект Рима и трижды консул. Марк Аврелий воспитывался в его доме.

² Отец Марка Аврелия, как и его дед, звался Марком Аннием Вером и умер, когда Марк Аврелий был маленьким ребенком. Марк Аврелий его не помнил, и поэтому сказано: «...если верить его репутации и памяти о нем».

³ Мать Марка Аврелия – Домиция Луцилла, дочь сенатора Публия Кальвизия Тулла, умерла после 155 г. н. э.

⁴ Имеется в виду Луций Катилий Север, прадед Марка Аврелия с материнской стороны, дважды консул.

⁵ Имя воспитателя Марка Аврелия неизвестно. *Зеленые и голубые* – цвета одежды возниц на конских ристалищах, по которым делились на партии зрители в цирке. *Круглые щиты* – гладиаторы, вооруженные на манер фракийцев. *Длинные щиты* – гладиаторы, вооруженные большими прямоугольными щитами на манер самнитов. Римские императоры часто бывали сторонниками той или иной партии на гладиаторских играх и в цирке, на что и намекает Марк Аврелий. Сам Марк Аврелий, по сообщению историков, во время гладиаторских игр часто читал книгу.

⁶ Доносительство и наговоры процветали при императорском дворе, и у многих людей наущничество было чем-то вроде профессии.

⁷ *Диогнет* – домашний учитель Марка Аврелия, занимавшийся также живописью.

⁸ Перепелов разводили и обучали для боя. Этот обычай пришел, вероятно, из Греции.

⁹ *Бакхий* – ученик философа-платоника Гая. *Тандасид* – ближе неизвестен. *Марциан* – учитель Марка Аврелия в судебном красноречии и юриспруденции. Так, по крайней мере, утверждает Дизнер. Унт в комментариях к ленинградскому изданию Марка Аврелия говорит, что Марциан – лицо неизвестное (?).

¹⁰ О привычках и образе жизни Марка Аврелия см. «История императоров» IV, 2.6.

¹¹ *Квинт Юний Рустик* – стоик и друг Марка Аврелия, дважды консул. О дружбе Марка Аврелия с Рустиком рассказывает Фемистий в «Речах» («Orationes» 13.173).

¹² Из писем Фронтонa («Epistulae ad Caesarem» I, 8, p. 24) ясно, что Марк Аврелий, как и Платон, в юности писал стихи, но потом философия взяла верх.

¹³ *Синуэсса* – город в Лации на границе с Кампанией.

ситься благосклонно и примирительно к гневающимся и заблуждающимся и, как только они захотят раскаяться, идти им навстречу; и внимательно читать [книги] и не довольствоваться самыми общими мыслями и не соглашаться легко с пустословами; и обращение к «Беседам» Эпиктета¹⁴, которые он дал мне из домашней библиотеки.

8. От Аполлония¹⁵ у меня свободомыслие и твердая осторожность; и [умение] даже в малом не обращать внимание ни на что, кроме смысла; и всегда [сохранять душевное] равновесие: при острых болях, при утрате ребенка, во время продолжительных болезней; и ясное понимание на примере его жизни, что один и тот же человек может быть и энергичным, и беспечным; и [умение] при объяснениях не раздражаться; и видеть, как человек разумный наименьшим из своих достоинств считает опыт и искусство передачи умозрительных положений; и понимание, как нужно принимать от друзей то, что считается благодеянием, и не терять из-за этого достоинства и вместе с тем не пренебрегать бесчувственно [тем, что считается благодеянием].

9. От Секста¹⁶ – приветливость; и пример, как управлять домом; и понимание жизни в согласии с природой¹⁷; и ненапускная серьезность; и стремление заботиться о друзьях; и терпимость к людям обыкновенным и судящим без осведомленности; и [умение] быть в согласии со всеми так, что общение с ним было приятнее всякой лести и в то же время он заслуживал глубочайшего уважения у тех же самых людей; и понимающе и методически отыскивать и упорядочивать необходимые для жизни основоположения; и не проявлять никогда гнев или какое-нибудь другое сильное чувство, но всегда быть выше страстей и вместе с тем любвеобильным; и добрая репутация без хвастовства; и ученость без показного блеска.

10. От Александра Грамматика¹⁸ – неосуждение; и [привычка] не делать оскорбительных замечаний по адресу тех, кто употребляет варварские или какие-нибудь неправильные или неблагозвучные выражения, но только искусно произносить так, как следует, в форме ответа, или подтверждения, или совместного размышления о самом предмете, а не об обороте речи, или с помощью какого-нибудь такого же искусного упоминания мимоходом.

11. От Фронтона¹⁹ – знание, каковы злые чары и изощренность и притворство тирании; и сколь бессердечны те, которых мы обычно называем голубой кровью.

12. От Александра Платоника²⁰ [привычка] не говорить часто и без нужды кому-нибудь и не писать в письме, что я-де занят, и под этим предлогом постоянно отказываться от того, что надлежит делать по отношению к тем, с кем общаешься, ссылаясь на неотложные дела.

¹⁴ *Эпиктет* (род. ок. 50 г. н. э. в Гиераполе, ум. в 125/130 г. н. э. в Никополе) – фригийский раб, а позднее философ, отпущенный фаворитом Нерона Эпафродитом на свободу. После изгнания философов из Рима в 94 г. н. э. поселился в Никополе, где вел, подобно Сократу, устные беседы, которые были записаны его учеником, известным историком походов Александра Македонского Флавием Аррианом (дошли «Руководство» и четыре книги «Бесед» из восьми, перевод на русский язык см. «Вестник древней истории». – 1975. – № 2–4; 1976. – № 1–2). Эпиктет – теоретик истинной свободы, которая не имеет ничего общего с распушенностью и своеволием и выражается в отказе от удовлетворения потребностей и собственных неумных желаний, которые превращают человека в раба. Путь к этой истинной свободе, по мысли Эпиктета, лежит через самопознание, самоограничение (девиз Эпиктета: «Сдерживайся и воздерживайся!»), отрешенность от всего внешнего и смирение перед богом, который находится в самом человеке. Эпиктет – единственный стоик, отвергавший самоубийство и считавший, что надо стоять до конца там, куда поставила судьба.

¹⁵ *Аполлоний* – известный стоик из Халкиды, приглашенный императором Антонином Пием в учителя к Марку Аврелию и Луцию Вету. Об Аполлонии упоминает Лукиан («Демонакт» 31).

¹⁶ *Секст* – философ-платоник из Херонеи, племянник Плутарха.

¹⁷ Под «жизнью в согласии с природой» стоики понимали жизнь согласно требованиям разума, тогда как у животных жизнь в согласии с природой – это жизнь согласно побуждению и импульсу (Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» VII, 86, в дальнейшем сокращенно: Д.Л.).

¹⁸ Имеется в виду Александр Котийский, грамматик из Фригии и комментатор Гомера. Из дальнейшего ясно, что он обучал Марка Аврелия не только греческому языку, но и красноречию.

¹⁹ *Марк Корнелий Фронтон* – уже упоминавшийся в № 12 ритор и писатель (род. ок. 100 г. н. э., ум. в 170 г. н. э.), учитель Марка Аврелия и Луция Вера.

²⁰ *Александр Платоник* – вероятно, ритор из Селевкии в Киликии (Малая Азия).

13. От Катула²¹ [привычка] не относиться невнимательно к другу, упрекающему [тебя] в чем-нибудь, даже если он упрекает без оснований, но делать попытки восстановить прежние отношения; и усердно восхвалять учителей, как делали Домиций и Афинодот²²; и испытывать искреннюю любовь к детям.

14. От Севера, моего брата²³, – любовь к домочадцам, к истине, к справедливости; и благодаря ему знание о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте²⁴ и получение представления о свободном государственном устройстве, управляемом по закону [всеобщего] равенства и равноправия, и о верховной власти, более всего чтущей свободу подданных. И от него же – умеренность и ровность в почитании философии; и [привычка] делать добро и быть постоянно щедрым; и [питать] благие надежды и верить в любовь друзей; и не скрывать осуждения от тех, кого случается осуждать; и не заставлять друзей угадывать, чего хочу или не хочу, но делать [это] ясным.

²¹ *Цинна Катул* – философ-стоик.

²² *Домиций* – вероятно, Гней Домиций Афр, учитель Квинтилиана. *Афинодот* – лицо неизвестное; во всяком случае, это не учитель Фронтон философ Афинодот, как считает Унт, так как восхваление своего учителя Афинодотом, который был учителем Фронтон, бывшего в свою очередь учителем Марка Аврелия, выглядит несколько странно: зачем было Фронтону держать при себе своего учителя, восхваляющего своего учителя, ведь он мог обучать Марка Аврелия и без его помощи?

²³ Слова «моего брата», скорее всего, являются позднейшей вставкой, а имеется в виду родственник Марка Аврелия, философ-перипатетик Клавдий Север. Но тогда непонятно, почему философ-перипатетик все время рассказывал Марку Аврелию о стоиках.

²⁴ Имеются в виду Тразей Пет, Гельвидий Приск, Катон Утический, Марк Юний Брут и грек Дион. *Тразей Пет* – стоик, член сената и консул при Нероне. Выделялся среди сенаторов своим мрачным видом и независимостью, уклонялся от празднеств в честь Нерона, не посещал театры, чтобы не видеть правителя Рима выступающим на сцене (Тацит, «Анналы» XVI,22). Навлек на себя немилость Нерона тем, что покинул заседание сената, когда Нерон после матереубийства стал читать в сенате речь с обвинениями против матери, сочиненную для него Сенекой (там же, XIV,22). Позднее был обвинен публично двумя сенаторами в угоду Нерону. Запретил народному трибуну Арулену Рустику защищать себя и после письменного объяснения с Нероном приказал вскрыть себе вены (там же, XVI,34–35). *Гельвидий Приск* – зять Тразеи, народный трибун и тоже стоик. Обвиненный вместе с Тразеей, был изгнан из Италии, вернулся, был претором в 70 г. н. э. и казнен при Веспасиане. Жизнь и заслуги Гельвидия Приска перед государством прославляет Тацит в 5-й главе 4-й книги «Истории». Эпиктета приводили в восхищение слова Гельвидия, сказанные им Веспасиану: «Твое дело – меня казнить, мое – умереть без содрогания». *Марк Порций Катон Младший*, или *Утический* (95–46 гг. до н. э.) – правнук Катона Цензора, государственный деятель. Учился философии у Антипатра из Тира, но сам философских сочинений не писал и прославился главным образом благодаря последовательному поведению и нежеланию отклоняться от раз и навсегда избранной нравственной нормы. В юности сражался под началом Красса против Спартака, в 62 г. до н. э. настоял на казни сторонников Катилины, позднее выступал против триумвирата Цезаря, Помпея и Красса, не смущаясь ни силой, ни авторитетом триумвиров среди народа. Раньше других понял замыслы Цезаря и решительно во всем ему противодействовал: однажды взял слово во время заседания сената и говорил несколько часов до конца заседания лишь для того, чтобы сенаторы не успели обсудить и принять предложение Цезаря. После того как Цезарь начал гражданскую войну, отправился для противодействия ему в Африку и после поражения помпеянцев при Тапсе совершил самоубийство, не столько потому, что его огорчило поражение, сколько потому, что знал, что Цезарь милует своих противников, а значит, собирается помиловать и его. Цицерон, сетовавший на то, что Катон забывает, среди каких римлян он живет, и не отличавшийся мужеством Катона, после его самоубийства обнаружил мужество и, не побоявшись впасть в немилость к Цезарю, написал панегирик Катону. Цезарь ответил памфлетом «Антикатон»: по-видимому, Цезарь, в конечном счете побеждавший всех и всегда, почувствовал, что на сей раз нашла коса на камень и Катона ему победить так и не удалось. Тразей, Гельвидий и Катон Утический после смерти были канонизированы римскими стоиками, высоко почитались ими и были для них тем же, чем позднее были великомученики для христиан. *Дион* (род. в 409 г. до н. э., убит в 353 г. до н. э. в Сиракузах) – друг Платона, по приглашению которого Платон ездил в Сицилию. Попытался установить в Сиракузах государство по образцу идеального платоновского, но был убит. Его биографию см. у Плутарха, Непота и Диодора Сицилийского в 16-й книге. *Марк Юний Брут* (85–42 гг. до н. э.) – племянник Катона Утического, друг Цицерона, в философии последователь Платона и его школы, но по поведению типичный стоик, автор трех философских сочинений: «О терпении», «О доблести», «Об обязанностях» (не сохранились). Организовал и успешно осуществил убийство Цезаря, затем вел борьбу с цезарианцами Августом и Антонием и после поражения при Филиппах покончил с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания